

Захар Давыдов

Соавтор

*Может, жребий нам выпадет счастливый,
Снова встретимся в городском саду.*

Булат Окуджава

Мне сказочно повезло. Сколько я не носился с идеей написать историю волошинских сборников стихов – а руки все не доходили. И вот сидим мы с Сеней в очередном иерусалимском ресторанчике и он меня спрашивает:

Какой волошинский сборник у тебя самый любимый?

Самый любимый – это сложно, а вот сборник, о котором я знаю почти все – от замысла до воплощения – это «Демоны Глухонемые». Вот послушай, тебе как текстологу это будет интересно.

И я рассказал о *Творческой тетради* Волошина, в которой по записям 1917 года можно судить о том, как возник замысел книги. О вариантах стихотворений этого периода, вошедших в дальнейшем в ДГ. О «самиздате» некоторых стихов Волошина, появившихся до выхода сборника. О реакции читателей и профессиональных критиков на эти стихи. И еще, еще. Короче - наконец-то я дорвался до заинтересованного слушателя!

Сеня, не перебивая, мужественно вынес всю мою бурную речь и сказал:

Можешь привезти мне копии ТТ и вариантов стихотворений этого периода, в дальнейшем вошедших в ДГ?

Буквально на следующий день я все это привез в Иерусалим.

Привез и привез. Рассчитывал только на внимание и, может быть, на разговор о предмете, который мне был интересен и о котором мне уже долгое время не с кем было поговорить. Но, через пару дней раздался звонок и Сеня спросил — могу ли я срочно приехать к нему домой. Есть серьезный разговор.

Я приехал, весь кабинет был устлан привезенными мной материалами. Сеня сидел за компом с неизменной сигаретой в зубах и заглядывая то в один лист, то в другой - строчил, строчил как на пулемете (он был первым из всех моих иерусалимских коллег, кто овладел компьютером). Через какое-то время он произнес:

Значит, так . Пишем монографию. С тебя главы, в которых со скурпулезной точностью и максимальным количеством подробностей, комментариев и так далее — история замысла и воплощения сборника. По возможности, история создания каждого стихотворения из сборника, реакции на них . То есть все то, что ты мне наговорил пару дней назад.

Я делаю текстологическую часть и анализирую семантико-композиционную структуру сборника.

Это еще не все. Сейчас в Иерусалиме гостит профессор Пизанского университета Стефано Гарзонио. Он рассказал мне, что у них выходит Серия «Stady Slavi” , вышло уже несколько книг и они ищут материалы для продолжения этой серии. И я предложу ему нашу монографию. Делать надо быстро, пока Стефано здесь - мы должны показать ему почти готовый материал.

«Нашу»? Я несколько растерялся. У нас была с Сеней небольшая совместная работа над документальным фильмом «Булгаков и Иерусалим». По предложению директора Русского центра Виктора Фишера , мы сделали коротенький фильм на визуальной основе известного макета старого Иерусалима.

Сеня писал текст, актер Валя Никулин озвучил его своим дивным бархатным голосом, а я «подносил патроны» - подбирал соответственные цитаты из «Мастера». Но тут совсем другое дело — главы... монография... и «делать надо быстро»...

Я уехал слегка ошеломленным и сел за работу.

Какой Сеня безжалостный редактор я узнал на собственной шкуре за два года до этого. Из моей диссертации он , со словами: «лирика, лирика» - пытался выбросить чуть ли не половину, Поэтому в этой работе я был предельно скуп. Прочитав написанное, Сеня сказал:

- *Суховато.*

- *Твоя школа* - ответил я и был отмечен его довольной улыбкой.

Все дальнейшее происходило очень быстро. Сеня вообще работал удивительно быстро. Не отвлекаясь на второстепенное, он умело акцентировал внимание читателя на самое главное и важное.

Буквально через пару месяцев наша монография «...*И голос мой — набат*» (О книге М.А.Волошина «Демоны глухонемые») вышла в Пизе.

Мне посчастливилось еще один раз поработать с Сеней. Речь идет о сборнике *Jews and Slavs. Vol. 5 — Jerusalem, 1996*. Сеня не знал украинского языка и редактирование этой части сборника доверил мне.

Сеня был *человеком поступка*. В 1998 году меня пригласили на месяц прочитать курс лекций по Волошину в университет Лион-2. Приехав туда, я обнаружил, что взял с собой недостаточный запас жизненно-необходимых для меня таблеток. Узнав об этом, Сеня, собиравшийся на «шабатон» в Италию — сделал крюк и привез мне эти злосчастные таблетки в Лион.

Думаю, что таким же *поступком* была с его стороны и наша совместная работа над монографией. Только так можно ответить на вопрос, который время от времени я задавал себе: зачем Сене, занятому организацией различных проектов, конференций, подготовкой своих пушкинских книг (главы из которых он, бывало, «проговаривал» мне при встречах) надо было заниматься текстологией поэта, который был для него «одним из...»?

Таким же *поступком* была его многочисленная помощь коллегам при устройстве по специальности, получении грантов и стипендий.

Переехав в Торонто, я не потерял связь с Сеней. Мы договаривались и встречались на конференциях в Лионе, Иерусалиме, Риме. Он стал постоянный автором *Toronto Slavic Quarterly*, в 2012 году в серии *Toronto Slavic Library* вышла его книга [Пушкин: правда вымысла](#).

В 2015 году, к 75-летию профессора С.И.Шварцбанда вышел специальный [52 номер журнала](#), посвященный этому событию.

Были планы напечатать и книгу «Пушкин: мысли прозы», главу из которой в этом выпуске публикует наш друг и коллега Владимир Паперный, но этому уже не суждено сбыться...

—